

Вздыхнув, Минерва Макгонагал вновь обратила внимание на весь зал и обратилась к ним с большим состраданием, чем ей казалось, или чем они вообще заслуживали.

"Сегодня скорбите... ибо завтра вы отправитесь домой. Идите домой и подумайте о событиях этого года и о том, что они могут предвещать или не предвещать в ближайшие годы. Давайте каждый из нас осознает, кто мы есть, и решит, хотим ли мы стать именно такими. Пусть ваши сердца и ваше сознание будут вашими проводниками. Подготовьтесь к тому, что ждет вас впереди, ведь сейчас, как никогда раньше, мы нуждаемся друг в друге. Мы сможем победить, если объединимся как единый разум и единый голос.

Если вы не можете сделать это ни по какой другой причине,... сделайте это ради него".

С этими словами Макгонагал покинула зал в состоянии эмоционального срыва, собираясь последовать собственному совету за большим бокалом родного виски.

Не успела она отпить и глотка односолодового виски, как в дверь ее личных покоев осторожно постучали.

Она ухмыльнулась, глядя на бокал, который приготовила для такого посетителя.

Альбус Дамблдор спокойно вошел, зная, что ему нужно лишь объявить о своем намерении, поскольку они были старыми друзьями, и такая формальность, как необходимость приглашения, давно утратила для них обоих смысл.

Альбус опустился в соседнее кресло и приложился к ожидавшему его напитку, с наслаждением вздохнув, когда здоровый глоток миновал его губы.

"Отличное представление, Минерва". Он отсалютовал своей коллеге бокалом, наполовину в знак благодарности за напиток, наполовину за речь, которую она произнесла.

"Он заслужил все это и даже больше, как по мне". проворчала она.

Альбус кивнул, не обращая внимания на вызов, прозвучавший в ее словах.

"И даже больше", - согласился он.

"Я имела в виду каждое слово". Она возразила, желая, чтобы он осознал свою роль.

Он кивнул и со вздохом согласился. "И я заслужил это. Как говорится, я не смог разглядеть лес за деревьями. Теперь, из-за моей недалновидности, Сириус мертв, а Гарри лежит на пороге смерти".

Он рассказал о своих действиях в министерстве и о том, что произошло между Гарри, ним и Волдемортом.

Минерва слушала рассказ, не поднимая глаз. Она еще больше гордилась своим ребенком.

"Ты должен был убить его, когда Гарри предоставил тебе шанс", - решила она.

Дамблдор беспомощно пожал плечами. "Может быть. Может быть, мы бы уничтожили Темного Лорда в процессе, но убийство Гарри было бы несомненным в любом случае".

МакГонагал тоже вздохнула, осознав сложность такого решения, но твердо решила, что... "Гарри удерживал бы его столько, сколько потребовалось бы для этого. Он бы нашел способ".

Дамблдор задумался над остатками своего бокала, который он бездумно вертел в руках. В конце концов он ответил ей, хотя, возможно, говорил как с собой, так и с ней.

"Я знаю это, но когда дело дошло до дела, я просто не мог... Я просто не мог пожертвовать мальчиком. Как бы это ни избавило мир от ужаса, которым является Волдеморт, но насколько сильнее ужас от того, что я лишу мир такого ребенка?"

Дамблдор допил свой бокал и с сожалением вздохнул. "Я слишком стар, слишком стар для войны и уж точно слишком стар, чтобы делать трудный выбор. Если бы я рискнул, из всех этих страданий мог бы выйти хотя бы какой-то положительный результат. Теперь же ребенок мертв, как и в случае с моей собственной палочкой. И Волдеморт может спокойно вести свою войну".

"Да, старая, но у тебя, как говорится, еще есть немного в запасе". возразила Минерва. "У тебя хватило смелости вызвать Кроакера и его партию". Она похвалила его, хотя на ее лице, несмотря на ее вздорный ответ, появилось странное выражение предчувствия.

Дамблдор ухмыльнулся, услышав слова своего секунданта, и отругал бы ее, если бы это хоть чего-то добилось... но этого не произошло.

"Наверное, слишком поздно", - устало вздохнул он. "Даже если люди Льюиса смогут сотворить какое-то чудо, мальчик уже никогда не будет прежним. Он внутренне содрогнулся от мысли, что может предвещать такая судьба. Он не обманывал себя ни тем, что попытка была практически невозможной, ни тем, что если бы они добились успеха, то какие меры могли бы быть использованы, чтобы достичь уровня "невозможно".

Невыразимцам оставалось лишь выяснить, смогут ли они сделать невозможное и спасти ребенка от многочисленных ран, полученных в результате удара.

В конце концов все отчаянные попытки не увенчались успехом, и Целители были вынуждены смириться с неизбежным.

Ведущий Целитель Гарт Сэмюэлс отошел от пропитанной кровью каталки с мальчиком, и его взгляд остановился на часах на стене. Он следил за ходом секундной стрелки, прислушиваясь к сигналам монитора о затихающем сердцебиении ребенка.

Бип... бип... бип... бип... бип...

Расстояние между этими зловещими сигналами становилось все больше, и сухие губы Целителя разошлись, когда он приготовился огласить свой окончательный приговор пациенту, которого так хотел спасти.

Объявление было на кончике его языка, когда Невыразимцы ввалились в палату экстренной хирургии.

Он едва успел запротестовать, когда их глава предъявил свои полномочия, что случилось с ним нечасто, поскольку обычно униформа с многочисленными значками на воротнике была более чем достаточным подтверждением.

Целитель Сэмюэлс взгляделся в имя и звание, обозначающие стоящего перед ним человека в капюшоне. Когда мужчина откинул капюшон, чтобы открыть лицо, указанное в удостоверении, у целителя ослабли колени.

Невыразимцы без лишних слов забрали ребенка.

<http://tl.rulate.ru/book/104997/3690085>